

УДК 94(092)(470.41-25)"17"
EDN LFFZFL

**«Существует только
неограниченная власть»:
казанский военный
губернатор П. П. Пущин**

Е. Б. Долгов,

*Институт татарской энциклопедии
и регионоведения
им. М. Хасанова АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**“There Is Only Unlimited
Power”:
Kazan military governor
P. P. Pushchin**

E. B. Dolgov,

*Institute of the Tatar Encyclopedia
and Regional Studies named after
M. Khasanov of Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Статья посвящена изучению биографии видного государственного деятеля конца XVIII – первой трети XIX столетий П. П. Пущина. Как и многие из его современников, он честно и усердно служил родине на военном и гражданском поприщах, оставив свой след в истории нашего государства. Среди руководителей провинций монархии предпочитали видеть ответственных губернаторов, возлагая на них с каждым годом все больше прав и обязанностей. П. П. Пущину пришлось вплотную заниматься вопросами реорганизации городского и полицейского управления. Однако вскоре прогремевший на всю Россию «казанский инцидент» чуть было не поставил крест на его последующей карьере. Допущение П. П. Пущиным применения жестоких методов ведения следствия над обвиняемыми в различных преступлениях в крае шло вразрез с официальными правовыми идеалами эпохи и вменялось ему в вину как «превышение власти» и «попустительство». Так, из-за «неусыпных трудов и усердия к службе», а также чрезмерных инициатив он превысил губернаторские полномочия и попал под следствие. Освобожденный от суда П. П. Пущин вновь продолжил военную и гражданскую карьеру и закончил жизнь сенатором. Анализ опубликованных источников и литературы позволили автору обрисовать портрет этого яркого персонажа своего времени. На примере Казанской губернии раскрываются проблемы функционирования института губернаторства в Российской империи, дается характеристика одному из его представителей.

Abstract

The article is devoted to the study of the biography of P. P. Pushchin, a prominent statesman of the Pavlovian and Alexander reigns of the late 18th – first third of the 19th centuries. Like many of his contemporaries, he served his country faithfully and diligently served his country in the military and civilian fields, leaving his mark on the history of our

country. Among the leaders of the provinces, the monarchs preferred to see responsible governors, entrusting them with more and more rights and responsibilities every year. P. P. Pushchin had to closely deal with the issues of reorganizing the city and police administration. However, the “Kazan incident” that soon thundered throughout Russia almost put an end to his subsequent career. P. P. Pushchin’s allowance for the use of cruel investigation methods against those accused of various crimes in the region ran counter to the official legal ideals of the era and was accused of “abuse of power” and “connivance.” Thus, due to his “tireless work and zeal for service,” as well as excessive initiatives, he exceeded the governor’s powers and came under investigation. Being acquitted of charges, P. P. Pushchin again continued his military and civilian career and ended his life as a senator. Analysis of published sources and literature allowed the author to paint a portrait of this a remarkable figure of his time. Using the example of the Kazan province, the problems of functioning of the institution of governorship in the Russian Empire are revealed, and a characterization is given to one of its representatives.

Ключевые слова

П. П. Пушин, Павел I, Александр I, Российская империя, Казанская губерния, Казань, институт губернаторства, казанский военный губернатор.

Keywords

P. P. Pushchin, Pavel I, Alexander I, Russian Empire, Kazan province, Kazan, institute of governorship, Kazan military governor.

Дворянский род Пушиных известен с XV в. Павел родился 12 (23) (или 19 (30)) июня 1768 г., по-видимому, в деревне Горовастыцы Осташевской округи Тверской провинции Новгородской губернии в семье капитана первого ранга, а затем адмирала Петра Ивановича Пушина (1723-1812) и Евфимии Матвеевны, урожденной Коротких (Короткой, Коротковой) (1726-1810) и являлся их младшим сыном (имел еще брата и сестру)¹. После получения им домашнего образования, когда выяснилось, что он «по-русский, по-немецки и по-французски читать и писать умеет, математику знает», П. П. Пушин был определен в лейб-гвардии Преображенский полк, где 9 марта 1781 г. начал службу сержантом, затем 4 декабря 1784 г. произведен в прапорщики, 1 января 1786 г. – в подпоручики, 1 января 1788 г. – в поручики. Молодой офицер принял участие в русско-шведской войне 1788-1790 гг.: первоначально, в 1789 г., он выступил в поход в составе Финляндской армии, а 20 марта 1790 г. выпущен из гвардии премьер-майором и зачислен волонтером в Гребную флотилию Балтийского флота и под командованием своего отца «против шведского корабельного и гребного флота в сражениях был». 14 июля 1790 г. Павел Петрович получил чин подполковника и определен в Сумской легкоконный полк. С 21 августа 1791 г. П. П. Пушин является командиром 3-го Финляндского егерского батальона, переименованного впоследствии в Литовский егерский батальон. 6 августа 1794 г. он был посажен со своим подразделением в порту Роченсальм в Финляндии на фрегат, на котором совершил переход до Риги, 20 августа прибыл в Курляндию, откуда перешел в Литву для усмирения польских инсургентов. 8 января 1797 г. Павел Петрович произведен в полковники и 11 января того же года переведен в Козловский мушкетерский полк². На следующий год П. П. Пушин женился на Елизавете Андреевне Всеволожской (1766-1831), у них родились четыре сына и две дочери³.

Дальнейшей стремительной карьерой 30-летнего офицера способствовал его отец – адмирал П. И. Пущин, к которому благоволил император Павел I. В результате, 15 марта 1798 г. Павел Петрович стал генерал-майором и был назначен казанским комендантом⁴. В губернском центре он оказался среди встречавших и сопровождавших государя 24-30 мая того же года⁵. Главной целью пребывания царя в Казани являлся генеральный смотр или «ревью» войскам Оренбургской военной инспекции. Один из сподвижников самодержца вице-адмирал Г. Г. Кушелев отмечал: «Казань можно почесть, включая Москву и С.-Петербург, почти первым в России городом, как по пространству, так и по красоте строения»⁶. Здесь император прекрасно себя чувствовал

П. П. Пуцин. 1808-1810 гг.

P. P. Pushchin. 1808-1810.

и «во все дни, к удивлению придворных, весел был и почивал более нежели в Петербурге, и такого угощения и веселости нигде не было: на гуляньи со многими изволил говорить»⁷. Павел I буквально осыпал наградами местную элиту и чиновников. 9 августа он повелел «принять начальство над городом и войсками» коменданту П. П. Пуцину, 9 сентября 1798 г. пожаловал его «казанским военным губернатором, шефом Казанского гарнизонного полка и кавалером ордена св[ятой] Анны второй степени», 5 февраля 1800 г. даровал ему чин генерал-лейтенанта «по легкой пехоте», 4 марта сделал того шефом гарнизонного полка своего имени (расформирован 3 июля 1801 г.), а 9 марта 1800 г. наградил орденом святого Иоанна Иерусалимского⁸.

Как известно, после упразднения должности казанского наместника указом Павла I от 12 декабря 1796 г. на территории края до 1801 г. одновременно действовали военный и гражданский губернаторы. Первому из них подчинялись воинские части и полицейские учреждения, он отвечал за квартирование и размещение войск, за проведением рекрутских наборов в губернии. Так, закон от 12 сентября 1798 г. прямо говорил о том, что «начальство над полицией поручается военному губернатору, которой за исполнением всего до нее принадлежащего имеет строгое наблюдение и за всякое упущение должности с виновных взыскивает»⁹. 14 марта 1800 г. император потребовал от гражданских руководителей регионов «по всем делам, до губернского управления и полицейского исполнения касающимся,.. сносится с военными губернаторами от себя»¹⁰. Более того, 18 октября 1800 г. губернская палата суда и расправы обязывалась «вносить» приговоры по уголовным делам на рассмотрение и утверждение последних¹¹.

Самодержец «хотел говорить не с учреждениями, а с лицами, бывшими непосредственными исполнителями его повелений», а потому «должен был сам

входить во все подробности... местного управления, желая... самому все знать и всему давать направление». Среди руководителей провинций Павел I предпочитал видеть ответственных управленцев, возлагая на них с каждым годом все больше прав и обязанностей¹². Все это приводило к тому, что «из губернаторов одни опасались недостаточно угодить государю, другие страшились доноса какого-нибудь завистника, и все они, вообще, скорее преувеличивали каждое повеление; между ними были и такие, которые под видом покорности рады были случаю дать полную волю своим собственным тиранским инстинктам»¹³.

П. П. Пущину пришлось вплотную заниматься вопросами реорганизации городского и полицейского управления. Согласно царским указам от 3 ноября 1798 г. и 27 мая 1800 г. в Казани и уездных городах при нижних земских судах учреждены особые военно-полицейские органы – ордонансгаузы, при которых имелись военные суды и тюрьмы¹⁴. В 1799-1800 гг. такие заведения по распоряжению военного губернатора были сформированы и начали свою деятельность¹⁵. Затем слабое и бесправное городское сословное управление оказалось слито с полицейскими структурами. 4 (или 6) сентября 1800 г. закрываются Казанская управа благочиния, а в городах – общие и шестигласные думы, и вместо них создаются ратгаузы, объединявшие административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные функции¹⁶.

Немало хлопот доставляли Павлу Петровичу жалобы работников Казанской суконной мануфактуры «на притеснения их владельцем», по которым проводились «исследования» и велась большая переписка¹⁷.

В сентябре 1800 г. П. П. Пущин, «объезжая город и заметивши возку сахара возами», сумел разоблачить торговые махинации местных и иногородних купцов, которые из-за обострения русско-английских отношений занимались скупкой продовольственных товаров в расчете на то, что когда тех продуктов «сделается недостаток, тогда могут продавать [их] ... еще дороже, отчего обывателям... губернии весьма чувствительное [будет] отягощение». На рапорте военного губернатора Павел I начертал резолюцию: «Пущину 1-му. Благоволение. Заарестованный сахар продать по самой низкой цене, генерал-прокурору сообщить, чтобы с виновными поступлено было по всей строгости законов». Кроме того, 26 сентября 1800 г. Коммерц-коллегия постановила, чтобы «магистраты обще с полицией» пресекали «наглое перекупщиков корыстолюбие» и принимали следующие меры: «ежели где откроется возвышение цен от перекупа, то товар, конфисковав, продать по той цене, какая до перекупа существовала и полученные деньги обращать в пользу города, на нужные для торговли заведения, избобличенных же перекупщиков отсылать к суду». К слову сказать, конфискованный в Казани сахар «по назначенным» П. П. Пущиным ценам был «распродан обывателям города»¹⁸.

В январе – феврале 1800 г. в Казанской губернии была проведена первая Сенаторская ревизия, которую осуществляли И. В. Лопухин и М. Г. Спиридов. В ходе генерального обследования состояния исполнительного аппарата на местах и всей системы провинциальной администрации П. П. Пущин представил на имя ревизующих сенаторов несколько донесений «о нуждах, недостатках и пользах общих» подведомственного края. В своем рапорте от 29 января 1800 г. он сообщал, что в Казани насчитывалось 26 565 жителей, в том числе «дворян

благородного звания», чиновников и приказных служителей – 1 922, «купцов в гильдиях» – 1 054, «мещан цеховых» – 4 458 человек. В губернском центре располагались 4 монастыря, 33 церкви, 5 мечетей, 29 питейных заведений, 34 казенных дома, 3 363 частных строений. Казанская полиция включала три «полицейские части», состоящие из трех «съезжих изб» и 12 кварталов, и насчитывала 82 человека. В разных частях города находились 29 полицейских будок. Здесь круглосуточные караулы несли привлеченные к этой службе 263 обывателя¹⁹. В свою очередь сенатские ревизоры М. Г. Спиридов и И. В. Лопухин писали: «Осмотрев казанскую полицию во всех ее видах и все относящееся к тишине, спокойствию и зависящему от нее порядку в городе, что составляет главное ее достоинство, нашли в хорошем весьма состоянии, отдаем справедливость отличному усердию, попечению и деятельности... военного губернатора»²⁰. Отмечая организаторские заслуги Павла Петровича по поддержанию порядка в Казани, сенаторы соглашались с его просьбой увеличить штат местной полиции.

Во втором рапорте П. П. Пущин обосновывал и другую кадровую проблему – острую нехватку в присутственных местах канцелярских служащих и переводчиков «для употребления при производстве дел о татарах, чувашах, черемисах и прочих,.. особливо дел уголовных»²¹.

Осознание необходимости благоустройства губернского города зафиксировано в третьем «мнении» Павла Петровича. В этом документе военный губернатор убеждал столичные власти в необходимости строительства каменных мостовых, поскольку «на улицах казанских вообще большая грязь, а на некоторых, как то особливо на Проломной, чрезвычайная». Далее он обращал внимание на непригодность речной и озерной воды в Казани для употребления в пищу, настаивал на очистке города и осушении болот, уверял правительство в том, что забота о здоровье населения является государственной задачей²². Внес он также предложение для «пользы общей» учредить в губернском центре «ежегодную ярмонку», что приносило бы местным торговцам немалый доход и позволило бы им увеличить свой капитал, а «чрез то умножился бы и доход государственный»²³. Впрочем, несмотря на поддержку сенаторов-ревизоров И. В. Лопухина и М. Г. Спиридова этим начинаниям не суждено было исполниться. Смена царствования и увольнение П. П. Пущина не позволили реализоваться его хозяйственным идеям.

Емкую характеристику о времени правления Павла I мы находим в письме цесаревича Александра Павловича к своему бывшему воспитателю Ф. Ц. Лагарпу от 27 сентября 1797 г.: «Вам известны различные злоупотребления, царившие при покойной императрице... Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, увеличился еще более... Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот навыворот»²⁴.

С первых дней нового царствования началась «отмена перемен, внесенных Павлом Петровичем», так как правительство посчитало, что «все отрасли государственного управления приведены были в четырехлетнее правление

императора Павла в неописанный беспорядок»²⁵. 17 марта 1801 г. вышел указ Александра I, который восстанавливал «прежние формы сношений между военными и гражданскими местами и начальниками», поскольку павловский порядок общения разных государственных институтов друг с другом оказался очень запутанным, когда «по части гражданского управления Сенат с военными губернаторами сносился посредством гражданских, равным образом находя несвойственным сношение военных начальников со всеми невоенными местами»²⁶. Тогда же были упразднены и ордонансгаузы в уездных городах Казанской губернии. Царским указом от 11 мая 1801 г., «в пресечение недоразумений, неудобств и затруднений, происходящих в полиции ... от смешения начальства военного и гражданского», правительство приняло решение «о подведомстве полиции местному гражданскому начальству и военным лицам, коим вверено управление гражданской части в губернии»²⁷.

2 июля того же года Александр I поручил военному губернатору П. П. Пущину «управлять и гражданской частью» на подведомственной ему территории²⁸. 15 августа центральные власти поставили перед Павлом Петровичем задачу по подготовке документов об учреждении в Казани военного училища, чтобы «доставить дворянству новые и удобнейшие способы к воспитанию детей и преуготовлению их на службу»²⁹. А 17 сентября 1801 г. император приказал ему вместе с гражданским губернатором А. И. Мухановым прислать в Петербург «сведения о числе решенных и нерешенных дел в присутственных местах» и «о числе колодников и успехах во взыскании недоимок» в губернии³⁰.

Однако вскоре прогремевший на всю Россию «казанский инцидент» чуть было не поставил крест на последующей карьере П. П. Пущина³¹. Это скандальное дело стало одним из побудительных мотивов для Александра I формально отменить пытки в России 27 сентября 1801 г. и поставить вопрос о создании Министерства внутренних дел 8 сентября 1802 г.

«Грустную картину, – писал профессор местного университета Н. П. Загоскин, – представляло собою положение администрации г. Казани и Казанского края в ту пору... с самоуправством, казнокрадством, мздоимством, лицепритием и отсутствием чувства законности» и «стремлений просветительного характера и почти поголовным невежеством, с грубостью нравов, с крепостным и узкословным строем общественности»³². Ему вторил краевед П. А. Пономарев, который по воспоминаниям современников давал яркие характеристики чиновников-дельцов: один «втирался в управление конкурсами и такой наглостью доставлял себе случай грабить кураторов, кредиторов и наследников-сирот», другой «подбрасывал фальшивые ассигнации к богатым ... татарам», третий «был так отвратительно жаден к деньгам», что «подлыми манерами обирая просителей, ... наклевал себе и дома и около 200 ревизских душ», прочие «нажили или, приличнее сказать, наплутовали, кто сотню, кто две, а кто и три сотни тысяч рублей». Такая «обстановка ... произвола, хищничества и бесправия ... всего более раскрывается в деле мещанина Яковлева»³³.

Летом 1801 г. Александру I доложили о том, что казанская полиция, находящаяся в ведении военного губернатора П. П. Пущина, прибегает к истязаниям и жестоким пыткам в ходе следствия с целью получения признаний вины от подозреваемых в преступлениях. Вышеупомянутые сведения содержались

в доносе на имя царя за подписью подпоручика А. Унгебаура, проездом оказавшегося в Казани. Для расследования обстоятельств дела в губернский город был отправлен флигель-адъютант, подполковник, барон П. Р. Альбедиль³⁴. Последний прибыл в Казань 31 августа инкогнито, затем потребовал от П. П. Пущина доставить к нему доносителя, за которым послали частного пристава Столбовского. Тот нагнал подпоручика в Ярославле и вернул его обратно 8 сентября. С помощью А. Унгебаура и секретаря городского магистрата С. А. Москотильникова Альбедиль удостоверился в справедливости сообщения³⁵.

В Казани очень часто происходили сильные пожары, по поводу которых императорские указы от 26 октября 1797 г. требовали от губернаторов, чтобы в случае подобных бедствий «всегда и с возможною точностию были отыскиваемы и узнаваемы виновные в таком происшествии», напоминая о том, что «всякий раз, где открыто сего не будет, причтется то за упущение начальства»³⁶.

19 июня 1801 г. в доме казанского мещанина Оловешникова (Оловяшеникова) произошел пожар, а в поджоге обвинялся казанский мещанин Петр Яковлев. Он был взят под стражу «по подозрению, навлеченному его смущением», и отведен в первую полицейскую часть, где на допросе в присутствии военного губернатора в поджоге не сознался. Тогда П. П. Пущин «сам приказал о вторичном допросе перевести его в третью (полицейскую. – Е. Д.) часть, ведомую частным приставом Столбовским, сем образом и допустил и попустил он, военный губернатор, возникнуть первому началу законопротивной жестокости в пристрастных расспросах пытками»³⁷. Вместо того, чтобы разобраться в случившемся, он подал полицейским повод физическими насилиями «исторгать из невинных подсудимых признание». Затем, по приказанию частного пристава Столбовского, «переодетые люди, в неосвещенном месте, стянули Яковлеву руки на спину, крепко связали ноги, трясали, давили его для умножения боли и таким терзанием вынудили признание»³⁸. В беседе с доносителем А. Унгебауром и секретарем С. А. Москотильниковым выяснилось, что во время пожара на Проломной улице был взят еще один подозреваемый, пьяный ремесленник Максим Мухин, которого тоже по распоряжению П. П. Пущина привезли в ту же третью часть, где жестоко пытали. Однако он под пытками не признался и через трое суток вернулся домой. Портной М. Мухин впоследствии стал инвалидом, так как «доведен был... пристрастными допросами до такой степени расслабления», что «лишился возможности доставать себе дневное пропитание»³⁹.

Во время судебного разбирательства в городском магистрате П. Яковлев отказался от своего показания, «удостоверял... о несправедливости признания, исторгнутого пытками», но тем не менее Палатой уголовного суда был приговорен к наказанию плетью и ссылке в Сибирь. Казанский гражданский губернатор А. И. Муханов утвердил это решение «о нещадном наказании Яковлева по площадям города». Впоследствии оказалось, что между военным и гражданским губернаторами за два года их совместной работы установились доверительные отношения. В результате, А. И. Муханов не вникал, как обязывала его должность, в дела П. П. Пущина и не вмешивался в отлаженный механизм борьбы с поджигателями.

На эшафоте перед началом казни несчастный П. Яковлев во всеуслышанье произнес: «Я терплю невинно... Не виновен я, меня пыткой заставили сделать

на себя извет»⁴⁰. А флигель-адъютант П. Р. Альбедиль доносил императору: «На месте казни п[е]ред приступом к оной, во время свершения ее при каждом ударе, и по совершении повторял беспрестанно, что он (П. Яковлев. – Е. Д.) невиновен в преступлении, за которое страдает, и напоследок при самом конце жизни, когда уже надежда для него не существовала, подтверждал п[е]ред священником, исполнившим над ним духовный обряд, о его невинности, и потом испустил дух»⁴¹.

По результатам исследования царского порученца 27 сентября 1801 г. появился именной указ Александра I, в котором государь с возмущением обращался к Сенату: «Жестокость толико вопиющая, злоупотребление власти столь притеснительное и нарушение законов в предмете, толико существенном и важном, заставили меня во всей подробности удостовериться на самом месте сего происшествия в истине оногo». Царь потребовал от сенаторов «сделать повсеместно по всей империи наистрожайшие подтверждения, чтоб нигде ни под каким видом... никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний, под страхом неминуемого и строгого наказания» и изъявил желание, «чтоб наконец самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»⁴². Виновные в неправильном осуждении казанского мещанина губернаторы П. П. Пущин и А. И. Муханов, а также и другие должностные лица были отрешены от должностей и преданы суду⁴³.

Уволенный с поста военного губернатора гласным решением Первого департамента Сената 17 октября 1801 г., Павел Петрович предстал перед собранием Пятого (уголовного) департамента высшего судебного органа империи 6 марта 1802 г. Ему пришлось отвечать на предъявленные сенаторами вопросные пункты. Следователи интересовались тем, считает ли он себя виновным; какова была причина перевода подозреваемого мещанина в третью полицейскую часть; давал ли генерал приказ производить пытку? П. П. Пущин по всем позициям отрицал вину и излагал свою версию событий. По его словам, он случайно заехал в первую полицейскую часть города, где уже шел допрос П. Яковлева. И так как там не оказалось «ни судьи, ни священника для увещевания, то дабы не терять время на отыскивание их,.. приказал частному приставу 1-й части... отослать его в 3-ю съезжую», потому что на Яковлева там уже были заведены письменные дела. Таким образом, военный губернатор вроде бы намеревался ограничиться только «ропросом», без «розыска и пытки».

Однако Павел Петрович прекрасно знал, что со времени вступления в должность частного пристава Столбовского в третьей части действительно производились пытки. Жестокость полицейского начальника была хорошо известна горожанам. По-видимому, в Казани действовал хорошо отлаженный способ борьбы с поджигателями, находивший поддержку у вышестоящих губернских властей. Ответствуя в Сенате, в свое оправдание П. П. Пущин сослался на пожары 1797 г. и те бедствия, которые они причинили городу. Он представил в качестве обоснования своих поступков копии императорских рескриптов «касательно пожарных случаев, повелевающих их наистрожайше исследовать». В исполнении рескриптов предписывалось полицмейстеру и всей полиции ежедневно разъезжать после 10 часов вечера по улицам и всякого подозреваемого брать под караул

и отправлять в ближайшую полицейскую часть. Выступая в свою защиту, Павел Петрович пытался убедить сенаторов, что, «посвятив себя на службу всеavgустейшего монарха», он добился прекращения пожаров в Казани, доставив жителям «спокойствие и безопасность в их имуществе и самой жизни». Когда же речь зашла о том, не отдавал ли он лично приказ об истязании, П. П. Пущин отвечал, что при нем в отношении П. Яковлева «никакого роспроса, но и никакого пристрастия не было»⁴⁴. А между тем царский указ прямо обвинял губернские власти в «вопиющей жестокости».

Вероятно, с целью поддержания правопорядка в Казани местная полиция регулярно применяла пытки. Военный губернатор был убежден, что страх перед истязаниями и публичной казнью должен отвратить всех потенциальных преступников от исполнения их «злодейских» замыслов. Да и сама практика своза всех подозрительных лиц в третью полицейскую часть к приставу Столбовскому приносила пользу, так как количество пожаров в городе значительно сократилась. Однако допущение руководителями Казанской губернии применения бесчеловечных методов ведения следствия шло вразрез с официальными правовыми идеалами александровского царствования и вменялось им в вину как «превышение власти» и «попустительство». Так, из-за «неусыпных трудов и усердия к службе», а также чрезмерных инициатив П. П. Пущин превысил свои полномочия.

Противоправные решения Павла Петровича могли и должны были пресечь гражданский губернатор А. И. Муханов и губернский прокурор М. Д. Княжевич, но этого не произошло. Городовой магистрат, разрешивший перевод П. Яковлева из первой полицейской части в третью, а также Палата уголовного суда, выносившая окончательный приговор по делу несчастного мещанина, находились в подчинении гражданского губернатора. Однако последний доверился формальностям представленных ему бумаг и согласился со смертным приговором обвиняемому через кнутование⁴⁵.

«Казанский инцидент» разбирался в Сенате три года, и только 13 ноября 1804 г. императорским указом «состоящий по армии» бывший военный губернатор П. П. Пущин освобождался от судебного преследования, поскольку оказалось, что в его должностных поступках «умышленного преступления не усмотрено, за упущение же при самом начале следствия» он уже был «отрешен от должности и предан суду» и теперь «от оногo... учинен свободным». Кроме того, ему было выдано и «жалованье полное за время нахождения под судом»⁴⁶.

Публичное увольнение с поста губернатора послужило для всех наглядным примером, поэтому в качестве дисциплинарного наказания Сенат подверг Павла Петровича «распубликованию». Гласными методами борьбы с административными нарушениями верховная власть стремилась продемонстрировать провинциальной бюрократии образцы правовой культуры, делала прецеденты указного законодательства доступными всей просвещенной России. По мнению правительства Александра I, распространение именных и сенатских указов среди населения посредством губернских типографий превентивно должно было предупреждать должностные преступления. В результате, «казанский инцидент» стал причиной издания императорского указа о запрещении употребления

полицией истязаний при «дознаниях и следствиях» и получил известность по всей стране.

Кроме первых лиц в губернии, наказание понесли все причастные к делу П. Яковлева должностные лица. Согласно царскому указу от 13 ноября 1804 г., губернский прокурор Княжевич и полицмейстер Бычковский лишились своих постов. Частный пристав Столбовский, являвшийся «главною причиною производимых в казанской полиции жестокостей над подсудимыми», был лишен чинов, подвергнут церковному покаянию и заключен в монастырь на один год с повелением «впредь его на службу не определять». Непосредственных исполнителей пыток наказали шпицрутенами и отправили «в дальние сибирские батальоны». Служащие городского магистрата, виновные в вынесении смертного приговора, были наказаны заключением на один год под арест и «не выбором впредь ни на какие должности». Чиновники Палаты уголовного суда наказывались «исключением из службы с отнятием на один год одного чина» по Табели о рангах и «не определением впредь никуда»⁴⁷.

Помогавшие флигель-адъютанту П. Р. Альбедилу в расследованиях скандального дела подпоручик А. Унгебаур и секретарь Казанского городского магистрата С. А. Москотильников⁴⁸ получили повышение по службе. Потерпевшему цеховому М. Мухину и семье несчастного П. Яковлева была определена пенсия по 150 рублей в год⁴⁹.

Между тем, освобожденный от суда П. П. Пущин вновь продолжил военную карьеру. С 4 сентября 1805 г. он стал шефом вновь формируемого Эстляндского мушкетерского полка, преобразованного 19 октября 1810 г. в 42-й егерский полк. 5 марта 1812 г. Павел Петрович был назначен командиром корпуса в 3-ю Резервную (Обсервационную) армию под руководством генерала от кавалерии А. П. Тормасова. Во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русских войск против Франции, П. П. Пущин занимался подготовкой резервов для вооруженных сил страны, ведущих борьбу с Наполеоном. В связи с тем, что войска его корпуса по предписанию генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова от 19 декабря 1812 г. направлялись на укомплектование полков Дунайской армии, он по царскому указу от 24 февраля 1813 г. определен «в помощь» начальнику 4-го корпуса генерал-лейтенанту П. К. Эссену для формирования в городе Бобруйске 48 резервных батальонов и укомплектования трех полков (Украинского, Выборгского и Мингрельского) и распределения в них рекрутов. Затем П. П. Пущин поступил с вышеупомянутыми воинскими подразделениями в состав Резервной армии и 9 июня 1813 г. перешел в герцогство Варшавское, где и находился до 1 августа 1814 г. В связи с упразднением должностей шефов в армейских полках, 1 сентября того же 1814 г. Павел Петрович назначен командиром 16-й пехотной дивизии. 9 апреля 1816 г. он был уволен от командования дивизией «для излечения болезни»⁵⁰.

22 января 1818 г. П. П. Пущин стал сенатором, ему «повелено было» присутствовать в Четвертом департаменте (являлся высшим апелляционным судом по гражданским делам нескольких губерний и областей России) Сената, а 26 августа того же года Павел Петрович получил в награду орден святой Анны 1-й степени⁵¹. Проживание в столице империи и связанные с этим расходы привели к тому, что ко времени кончины генерала общий долг его составлял

574 436 рублей. После смерти сенатора большая часть его имений и прочей недвижимости ушла с молотка и досталась кредиторам⁵².

14 (26) февраля 1828 г. П. П. Пущин умер в Санкт-Петербурге и был похоронен на Смоленском православном кладбище⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. – Т. 2. – С. 305, 309, 311; Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря // Сборник РИО. – СПб., 1888. – Т. 62. – С. 194; Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. – СПб., 1890. – Ч. 1. – С. 531; Чернопятов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. – Тула, 1909. – Т. 3 (12). – Ч. 6. – С. 516, 517; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911 гг. – СПб., 1911. – Т. 5. – С. 145; Петербургский некрополь / Под ред. великого князя Николая Михайловича. – СПб., 1912. – Т. 3. – С. 527; Курков К. Н. Члены Правительствующего Сената – высшего законосовещательного органа Российской империи. 22 февраля 1711 – 3 марта 1917: Справочное издание. – М., 2005. – С. 91; Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711-1917 гг.: Материалы для биографий. – СПб., 2011. – С. 358-359.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 395, оп. 6, д. 627, л. 6-6 об.; Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) (РО ИРЛИ) РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 1 об.-2, 5-5 об.; Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, також де кавалерам воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках. – СПб., 1792. – С. 158; СПб., 1793. – С. 176; СПб., 1794. – С. 187; СПб., 1795. – С. 189; СПб., 1796. – С. 207; Приложения и список генералам, штаб- и обер-офицерам, служившим и числившимся лейб-гвардии в Преображенском полку / Сост. А. Чичерин, А. Афанасьев // История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683-1883 гг. / Сост. А. Чичерин, С. Долгов, А. Афанасьев. – СПб., 1883. – Ч. 4. – С. 179; Мурзанов Н. А. Указ. соч. – С. 358.
3. РГВИА, ф. 395, оп. 6, д. 627, л. 7; РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 2, 6 об.; Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. – С. 313; Чернопятов В. И. Указ. соч. – С. 517; Мурзанов Н. А. Указ. соч. – С. 359.
4. РГВИА, ф. 395, оп. 6, д. 627, л. 6 об.; РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 1 об.-2, 5 об.; Генералитетский список, с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах, составленный при инспекторском департаменте Военного министерства на 1813 год. – СПб., 1813. – С. 51.
5. Загоскин Н. П. Император Павел Первый в Казани (1798-ой год): Исторический очерк. – Казань, 1893. – С. 18.
6. Кушелев Г. Г. Из дорожного дневника // Русский архив. – 1904. – Кн. 2. – № 8. – С. 578.
7. Современный журнал о пребывании в Казани Его Императорского Величества Павла I-го, 1798 г. // Осьмнадцатый век: Исторический сборник. – М., 1869. – Кн. 4. – С. 468-469.
8. РГВИА, ф. 395, оп. 6, д. 627, л. 6 об.; РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 1 об.-2, 5 об.-6; Генералитетский список, с означением имен, знаков отличия... – С. 51; Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. – СПб., 1891. – Т. 6. – С. 97; Пунарев А. Г. Казанские губернаторы. – Казань, 1856. – С. 11; Загоскин Н. П. Император Павел Первый в Казани... – С. 47; Высшие чины Российской империи (22.10.1721-2.03.1917): Биографический словарь / Сост. Е. А. Потемкин. – М., 2019. – Т. 3. – С. 478.
9. Указы, относящиеся к порядку делопроизводства с 1700 года. – СПб., 1818. – С. 353.
10. Там же. – С. 282-283; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – СПб., 1830 (ПСЗ-1). – Т. 26. – № 19324. – С. 65.

11. ПСЗ-1. – Т. 26. – № 19609. – С. 347-348.
12. Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. – СПб., 1907. – С. 163, 166.
13. Коцебу А. Ф. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. – М., 1990. – С. 298.
14. ПСЗ-1. – Т. 25. – № 18735. – С. 438.
15. Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве / Под ред. И. А. Блинова. – СПб., 1911. – Отд. 3. – Т. 2. – С. 215.
16. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: Научно-педагогические труды. – 5-е изд., доп. – М., 2008. – С. 145, 146.
17. Рабочее движение в России в XIX веке: Сборник документов и материалов / Под ред. А. М. Панкратовой. – 2-е изд., доп. – М., 1955. – С. 112-119.
18. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. 168, оп. 1, д. 91, л. 1-3, 14-14 об., 18-18 об., 22.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1537, оп. 1, д. 44, л. 7-23.
20. Там же, л. 57.
21. Там же, ф. 1341, оп. 1, д. 282, л. 6.
22. Там же, л. 10.
23. Там же, л. 7 об.-8.
24. Шильдер Н. К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. – М., 1996. – С. 352-353; Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. – СПб., 2007. – С. 4.
25. Шильдер Н. К. Указ. соч. – С. 481.
26. ПСЗ-1. – Т. 26. – № 19796. – С. 592.
27. Там же. – № 19866. – С. 619-620.
28. РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 6, 8; Пунарев А. Г. Указ. соч. – С. 11-12.
29. Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ), № 4451, Т. 3, л. 17-18.
30. Там же, л. 23.
31. Шпилевский С. М. Заботы императора Александра I о Казани // Ученые записки Императорского Казанского университета. – Казань, 1878. – Вып. 1. – С. 3-7; Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1895. – С. 172; Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. – 1899. – Т. 99. – Август. – С. 242-244; Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804-1904. – Казань, 1902. – Т. 2. – С. 409-410; История Государевой свиты: Царствование императора Александра I / Сост. В. В. Квадри // Столетие Военного министерства. 1802-1902. Императорская главная квартира. – СПб., 1904. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 399-404; Пономарев П. А. Казанский губернатор граф Толстой: Загадочный эпизод из сферы областного управления в начале XIX века // Казанский телеграф. – 1905. – 1 января. – № 3609; 25 января. – № 3628; его же. На пороге местной общественности: Очерки из казанского прошлого // Казанский телеграф. – 1905. – 20 марта. – № 3670.
32. Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета... – С. 409-410.
33. Пономарев П. А. Казанский губернатор граф Толстой: Загадочный эпизод... – № 3609.
34. Альбедиль Петр Романович (1764-1830), барон, флигель-адъютант (1801 г.), гофмаршал (1817 г.), участник русско-шведской 1788-1790 гг., русско-французской 1805, 1806-1807 гг., Отечественной 1812 г. войн.
35. История Государевой свиты: Царствование императора Александра I... – С. 399-404.

36. Указы и распоряжения, состоявшиеся в царствование Павла I // Русская старина. – 1870. – Т. 2. – С. 520.
37. РГИА, ф. 1345, оп. 98, д. 755, л. 3 об.; История Государевой свиты: Царствование императора Александра I... – С. 400.
38. Дубровин Н. Ф. Указ. соч. – С. 242; История Государевой свиты: Царствование императора Александра I... – С. 400.
39. История Государевой свиты: Царствование императора Александра I... – С. 403; Пономарев П. А. На пороге местной общественности: Очерки... – № 3670.
40. Пономарев П. А. Казанский губернатор граф Толстой: Загадочный... – № 3609.
41. История Государевой свиты: Царствование императора Александра I... – С. 401.
42. ПСЗ-1. – Т. 26. – № 20022. – С. 797-798.
43. РГВИА, ф. 395, оп. 6, д. 627, л. 7; РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 2, 4; ПСЗ-1. – Т. 26. – № 20022. – С. 797-798; Пунарев А. Г. Указ. соч. – С. 12; Шпилевский С. М. Указ. соч. – С. 6; Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета... – С. 411.
44. РГИА, ф. 1345, оп. 98, д. 755, л. 154-178.
45. Там же, л. 178-183.
46. РГВИА, ф. 395, оп. 6, д. 627, л. 7; РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 2, 4, 7; ПСЗ-1. – Т. 28. – № 21516. – С. 704-705.
47. РГИА, ф. 1345, оп. 98, д. 755, л. 51, 55; ПСЗ-1. – Т. 28. – № 21516. – С. 704-705; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. – С. 244.
48. Москотильников (Москательников) Савва Андреевич (1768-1852), общественный деятель, поэт, переводчик, статский советник (1837 г.), секретарь Казанского городского магистрата (1793-1801 гг.), стряпчий Казанской палаты уголовного суда (1801-1808 гг.), советник Казанского губернского правления (1808-1820, 1834-1846 гг.), секретарь Казанского отделения Российского библейского общества (1818-1826 гг.), чиновник особых поручений при казанском губернаторе (1827-1834 гг.), автор религиозных и философских статей, басен, стихотворений.
49. Письмо П. Р. Альбедия С. А. Москотильникову от 1 октября 1801 г. // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ. Фонд Н. Я. Агафонова. – № 216. – Л. 1321; История Государевой свиты: Царствование императора Александра I... – С. 403; Пономарев П. А. На пороге местной общественности: Очерки... – № 3670.
50. РГВИА, ф. 395, оп. 6, д. 627, л. 6 об.-7; РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 1 об.-4, 6-6 об.; ПСЗ-1. – Т. 32. – № 25342. – С. 535; Кутузов М. И. Документы. – М., 1955. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 774, 626-627.
51. РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 2 об.-4, 6 об., 9-11; Чернопятов В. И. Указ. соч. – С. 517; История Правительствующего Сената... – С. 145; Курков К. Н. Указ. соч. – С. 91; Мурзанов Н. А. Указ. соч. – С. 358.
52. РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 1 об.-2; ГА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 1312, л. 1-10.
53. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 457, оп. 1, д. 20, л. 30 об.; РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 1, 2 об.-4, 6 об., 12; Азбучный указатель имен русских деятелей... – С. 194; История Правительствующего Сената... – С. 145; Петербургский некрополь... – С. 527; Курков К. Н. Члены Правительствующего Сената – высшего законосовещательного органа Российской империи. 22 февраля 1711 – 3 марта 1917: Справочное издание. – М., 2005. – С. 91; Мурзанов Н. А. Указ. соч. – С. 358.

№ 1. Из формулярного списка о службе генерал-лейтенанта П. П. Пущина за 1816 г.

[...] Генерал-лейтенант, ордена св[ятой] Анны 2-й степени кавалер и почетный командор державного ордена святого Иоанна Иерусалимского Павел Петрович Пущин. [...] Из российских дворян. Имеет за собою Тверской губернии в Осташевской округе крестьян мужеска пола 80 душ. [...] По-русски, по-немецки и по-французски читать и писать умеет и математику знает. [...] Женат, у него жена Елизавета Андреевна, дочь надворного советника Всеволожского, у них дети: сын Петр 17 лет, дочь Александра 15 лет, дочь София и сын Андрей 14 лет, сын Всеволод 13 лет, сын Николай 4-х лет.

[...] В службе лейб-гвардии в Преображенском полку сержантом 9 марта 1781 [г.], прапорщиком 4 декабря 1784 [г.], подпоручиком 1 января 1786 [г.], поручиком [1 января] 1788 [г.], примьер-майором 10 марта 1790 [г.], из оного выпущен волонтером на гребную флотилию; подполковником в Сумской легкоконный полк 14 июля 1790 [г.], из коего определен в 3-й Финляндской егерской, который именовался потом Литовской егерской батальон 21 августа 1791 [г.], полковником в оном же батальоне 8 января 1797 [г.]. Из оного определен в Козловской, переименованный в Старобаденской мушкетерской полк 19 января 1797 [г.]. Генерал-майором определен в Казань комендантом 15 марта 1798 [г.], потом по высочайшему повелению переименован казанским военным губернатором и шефом полка своего имени 9 сентября 1798 [г.], генерал-лейтенантом в оном же полку 5 февраля 1800 [г.]. Назначен шефом Эстляндского мушкетерского полка, что ныне 42-й егерской полк 4 сентября 1805 [г.]. Высочайшим приказом назначен корпусным командиром в Резервную обсервационную армию под командою генерала от кавалерии [А. П.] Тормасова 5 марта 1812 [г.]. А по поступлении войск означенного корпуса на укомплектование полков Дунайской армии назначен по высочайшему повелению в помощь генерал-лейтенанту [П. К.] Эссену 3-му для формирования 48-ми резервных батальонов и распределения в оные рекрут. По распусчении же сих резервных батальонов по полкам высочайшим приказом назначен командиром 16-й пехотной дивизии [5 марта] 1814 [г.]. По высочайшему приказу, последовавшему 9 апреля 1816 [г.], повелено считаться по армии. [...] Для излечения болезни был уволен на один год.

[...] В походах и делах против неприятеля [...] был: 1789-го [г.] с 14-го сентября по 18-е в Финляндской армии, 1790-го [г.] на гребном флоте волонтером против шведского корабельного и гребного флота в сражениях был, в 1794 [г.] августа 6-го на посадении батальона в Роченсальмском порте на фрегате Балтийским морем до Риги, а с 20-го числа в Курляндии, из оной в Великую Литву с батальоном для усмирения польских мятежников, а с 1813 года июня 9-го числа и 1814 [г.] августа по 1-е число для формирования войск при Резервной армии за границу в Герцогстве Варшавском находился.

[...] По указу Правительствующего Сената с изображением именного высочайшего повеления, данного Сенату за собственноручным Его Императорского Величества подписанием в 27 день сентября 1801 года, отрешен от должности военного губернатора и предан суду, по производившемуся делу о мещанине

Яковлеве и считался по армии; по таковому же указу Правительствующего Сената с изображением именного высочайшего указа, данного Сенату за собственноручным Его Императорского Величества подписанием в 13 день ноября 1804 [г.], в коем значится: что поелику в поступке его, Пущина, умышленного преступления не усмотрено, за упущение же при самом начале следствия отрешен от должности и предан суду, от оного освобожден и велено считаться по армии. [...]

РГВИА, ф. 395, оп. 6, д. 627, л. 6-7.

№ 2. Из формулярного списка о службе господина генерал-лейтенанта, сенатора и кавалера П. П. Пущина от 1827 г.

Генерал-лейтенант, сенатор, ордена святыя Анны 1-й степени кавалер и почетный командор державного ордена святого Иоанна Иерусалимского Павел Петрович Пущин, 58 лет. [...] Из российских дворян Тверской губернии Осташковского уезда. [...] За ним [...] имение родовое 349 [душ] и нераздельных еще с братом 75 [душ], доставшейся по разделу с братом дом каменной в Санкт-Петербурге. Означенные 349 душ в залоге в государственном заемном банке, а дом в залоге ж в частных руках. [...] У жены 186 [душ], которые в залоге в частных руках, [а ее] благоприобретенное [имение] по продаже родового имения, состоявшего в Нижегородской губернии, куплен ею дом в Санкт-Петербурге, оный дом в залоге в частных руках. [...] Женат, у него жена Елизавета Андреева, дочь надворного советника Всеволожского. У них дети: Петр и Всеволод на службе Лейб-гвардии в Кирасирском, а Андрей – Лейб-гвардии Гренадерском полках, Николай при дворе Его Императорского Величества пажем, дочери Александра в замужестве за генерал-майором Кошкулем, и девица Софья при родителях.

По указу Правительствующего Сената со изображением именного высочайшего повеления, данного Сенату за собственноручным Его Императорского Величества подписанием в 27-й день сентября 1801-го года, отрешен от должности военного губернатора и предан суду по производившемуся делу о мещанине Яковлеве и считался по армии, по таковому ж указу Правительствующего Сената со изображением именного высочайшего указа, данного Сенату за собственноручным Его Императорского Величества подписанием в 13-й день ноября 1804 [г.], в коем значится, что поелику в поступке его, Пущина, умышленного преступления не усмотрено, за упущение ж при самом начале следствия отрешен от должности и предан суду, от оного освобожден, и велено считать по армии. Причем и жалованье полное за время нахождения под судом выдано.

Пущин Павел Петрович. Родился [в] 1769 г. Происходил из дворян Тверской губернии Осташковского уезда. В службу вступил Лейб-гвардии в Преображенский полк сержантом 9 марта 1781 года. Произведен прапорщиком 4 декабря 1784 г., подпоручиком 1 генваря 1786 г., поручиком 1 генваря 1788 года. В 1789 году находился в походе с 14 мая по 18 сентября в Финляндской армии. Из Преображенского полка выпущен волонтером на гребную флотилию с чином премьер-майора 10 марта 1790 года. В 1790 г., состоя волонтером на гребной флотилии, находился во всех стражениях с шведским корабельным

и гребным флотом. 14 июля 1790 г. назначен подполковником в Сумской легкоконный полк, из коего 21 августа 1791 г. переведен в 3-й Финляндский егерский полк, коего был командиром; в 1795 году, по отобрании из того полка трех рот, таковой сформирован вновь и преименован в Литовский егерский батальон. В 1794 году 6 августа по посадке батальона его в Роченсальмском порте на фрегаты, отправился Балтийским морем до Риги, а 20 августа в Курляндию, откуда следовал в Великую Литву для усмирения польских мятежников. 8 января 1797 года произведен полковником с оставлением в том же Литовском егерском батальоне. 19 января 1797 г. переведен в Козловский, переименованный Старобаденский мушкетерский полк. 15 марта 1798 г. произведен в генерал-майоры и назначен комендантом в Казань. 9 сентября 1798 г. по высочайшему повелению переименован казанским военным губернатором и назначен шефом полка его имени, состоявшего тогда на армейском положении. 5 февраля 1800 г. произведен в генерал-лейтенанты с оставлением при занимаемой должности и в том же полку. Высочайшим указом 2 июля 1801 года повелено казанского военному губернатору Пущину управлять и гражданскою частию той губернии. 4 сентября 1805 г. назначен шефом Эстляндского мушкетерского (затем 42-го егерского) полка, им сформированного. Высочайшим приказом 5 марта 1812 г. назначен корпусным командиром в Резервную обсервационную армию, состоящую под командою генерала от кавалерии Тормасова. В 1813 году с 9 июня по 1 августа находился в Герцогстве Варшавском для формирования войск Резервной армии. По выступлению же войск обсервационного корпуса на укомплектование полков Дунайской армии, по высочайшему повелению назначен в помощь к генерал-лейтенанту Эссену 3-му для формирования 48-ми резервных батальонов и распределения в оные рекрут; по распусчении же этих резервных батальонов по полкам, в 1814 г. высочайшим приказом назначен командиром 16 пехотной дивизии. Высочайшим приказом 9-го апреля 1816 г. повелено ему считаться по армии. Высочайшим указом 21 января 1818 г. повелено ему присутствовать в Правительствующем Сенате и состоять по армии. 22 января 1818 г. назначен к заседанию в 4-м департаменте Сената. Состоя на службе, умер 14 февраля 1828 года. [...] По Сенату значится присутствующим в 1818-1828 г. в 4-м департаменте. [...]

РО ИРЛИ РАН, ф. 320, оп. 1, д. 2080, л. 1 об.-2, 4-7.

№ 3. Указ императора Александра I казанскому военному губернатору П. П. Пущину от 13 августа 1801 г.

Господин генерал-лейтенант казанский военный губернатор Пущин. Флигель-адъютанту моему Альбедиль, для известных мне причин в Казань отправленному, прикажите открыть все следствия и суд, произведенный над обвиненным в поджигательстве, [...] и доставьте все сведения, какие он по сему делу потребовать может. В случае отсутствия вашего, исполнение сего предоставляю гражданскому губернатору. [...]

ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 3, л. 21.

№ 4. Из Указа императора Александра I казанскому военному губернатору П. П. Пущину от 15 августа 1801 г.

Господин генерал-лейтенант казанский военный губернатор Пущин. Желая доставить дворянству новые и удобнейшие способы к воспитанию детей и преуспеванию их на службу, [...] я положил в [...] Казанской губернии в городе Казани учредить дворянское военное училище. [...] Я возлагаю на вас объявить о нем [...] дворянству в губернии. [...]

ОРРК им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 3, л. 17-18.

№ 5. Из Указа императора Александра I казанскому военному губернатору П. П. Пущину от 17 сентября 1801 г.

[...] Желая иметь сведения о числе решенных и нерешенных дел в присутственных местах губернии, вами управляемой, а также о числе колодников и успехах во взыскании недоимок, поручаю вам приказать гражданскому губернатору обо всем оном прислать ко мне ведомости. [...]

ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 3, л. 23.

№ 6. Донесение флигель-адъютанта П. Р. Альбедия императору Александру I от 17 сентября 1801 г.

Имея счастье получить всевысочайшее Вашего Императорского Величества повеление от 18-го минувшего августа, поручающее мне изыскать ч[е]рез способы, в нем изъясненные, о точности происшествия, случившегося с одним из казанских граждан, взятым под стражу по случаю частых в Казани пожаров, осужденным и претерпевшим наказание, приключившее ему смерть, по одному только исторгнутому из него мучительными пытками признанию, от коего он в присутственных местах при совершении казни и после оной при самом конце жизни отрицался; равным образом и о том, не было ли других подобных сему случаев, и, предположив употребить всевозможные старания исполнить поручение, коим был удостоен, поступил я следующим образом. 31-го числа августа, приехав в Казань и не застав в оной подпоручика Унгебоура, выехавшего еще 29-го того ж месяца по взятой подорожной в Санкт-Петербург, просил я господина казанского военного губернатора Пущина послать за ним нарочного с письмом, могущим склонить его к возвращению; дав той нужде, какую я в нем объявил, совершенно другой предлог, который и произвел слухи, способствовавшие к сохранению в тайне настоящей цели. За ним был послан частный пристав коллежский ассессор Столбовский, снабженный от меня для сего прогонными деньгами, который нагнал его уже в Ярославле, возвратился с ним в Казань 8-го сентября. Между тем я старался в разговорах, как бы случайно до сего предмета доводимых, еще и в самом пути, приближаясь к Казани, а потом и в самом городе, от людей разного состояния узнать о степени вероятности распространившихся слухов; и все слышанное мною во всех обстоятельствах сообразно было тем известиям, кои достигли до августейшего престола Вашего Императорского Величества.

Но подпоручик Унгебоур ч[е]рез сообщение сведений, какие он имел, помог мне открыть точные следы происшествия и, по оным шествуя, достигнуть предположенной цели. Сими самыми сведениями подкрепляясь и приобретая вновь непосредственно с оными сопряженные, нашел я обстоятельства происшествия в виде таковом. Казанский мещанин Петр Яковлев при происшедшем 19-го июня в доме мещанина же Оловешникова от зажигательства воспалении, тогда же потушенном, взят был под стражу, допрашиван в 1-й части города и не признался. Потом для такового ж допроса переведен в 3-ю часть; мучим п[е]ред учинением оного по приказанию частного пристава Столбовского, переодетые люди в неосвещенном месте стягивали ему на спину руки и ноги крепко вервями, трясли, давили для умножения боли и сим истязанием вынудили согласие к признанию; введенный после в присутствие, где находились упомянутый пристав Столбовский с частным судьей, двумя квартальными надзирателями и священником, ныне в живых уже не находящимся, показал себя виновным в преступлении; при исполнении чего, по истощению сил, посажен был на стул и с крайнею трудностию подписал допрос, а по окончании оного произносил болезненный стон, жалуясь на изломание рук, коими не мог уже свободно действовать при поднесении ему вина для ободрения, а потом воды; и в сем положении передан был суду гражданского правительства в Казанском городском магистрате, при отобрании подтвердительного допроса удостоверил он о несправедливости признания, исторгнутого пытками, по приказанию пристава Столбовского произведенными; подтверждал сие по осуждении духовному отцу его; на месте казни п[е]ред приступом к оной; во время свершения ее при каждом ударе, и по совершении повторял беспрестанно, что он невинен в преступлении, за которое страдает, и напоследок при самом конце жизни, когда уже надежда для него не существовала, подтверждал п[е]ред священником, исполнившим над ним духовный обряд, о его невинности, и потом испустил дух. Истине сей в основание служат собранные мною письменные сведения от военнослужителей, при 3-й части находящихся и бывших совершителями истязания; от чиновника из числа присутствовавших в оной части при отобрании допроса; от бывших при исполнении приговора казанского полицеймейстера надворного советника Бычковского и 1-й части частного пристава майора Фон Фишера; от четырех священников, из коих двое находились при увещании подсудимого в городском магистрате, третий – отец его духовный и последний исполнитель священного п[е]ред его смертью обряда, наконец, признание самого пристава Столбовского о употреблении п[е]ред допросом сего несчастного пытки, открытое в разговорах его с подпоручиком Унгебоуром в продолжении пути их из Ярославля в Казань.

Не видя по производствам дела, истребованным из городского магистрата и палаты суда и расправы из 1-го департамента ни о том, кто дал первое приказание о взятъе мещанина Яковлева под стражу, ни о подавших к тому повод причинах, взял о сем письменное от пристава 1-й части Фон Фишера показание, коим он изъяснил, что помянутый Яковлев взят им был по подозрению, навлеченному его смущением, и по просьбе хозяина дома Оловешникова. А приступя к прилежному рассмотрению сих производств, нашел я в допросе магистратском, что мещанин Яковлев, сначала утвердив допрос 3-й части, в скорости

потом отрекся от признания, вынужденного жестокими побоями. Но оставлено в молчании изъяснение его, удостоверенное священником, что приказатель пытки был пристав Столбовский, равномерно как и то, свидетельствовал ли он в признаках сей пытки; не истребован первый его отрицающий преступление допрос, который в числе прочих документов следствия прислан не был, и заключение, потом учиненное в магистрате, осуждающее на казнь, основано на признании его, Яковлева, в 3-й части, поставив сему за предлог, что при самом отобрании допроса мучения не было, а пред оным по его удостоверению претерпенное не доказано. Департамент палаты, в сем виде получив дело, не допрашивал в подтверждение подсудимого и без всякого дополнительного производства утвердил заключение магистрата своим приговором, внесенным к господину гражданскому губернатору Муханову, который, апробовав, возвратил оный к исполнению; но чтоб при объяснении оного подсудимому был каковой либо от него ответ, того по делу не видно.

Но что не один был сей пример употребляемой с обвиняемым жестокости, тому нашел я живого свидетеля, представленного мне подпоручиком Унгебоуром казанского цеха Мухина, который дал мне письменное показание, что по случаю сих же пожаров был по приказанию Столбовского истязан; не стерпя мук, показал себя виновным в зажигательстве; подписал допрос и потом при целовании образа присягою утвердил свою невинность. Его держали трое суток под стражею и препроводили в 1-ю часть при записке такового же содержания, что он в зажигательстве не признан виновным, но за пьянство наказан. Видел я на сем Мухине следы не совсем еще заглаженных, ч[е]рез двенадцать недель, признаков истязания, и к приведению в ясность происшествия потребовал о доставлении мне произведенного ему допроса, но оной не отыскал. Однако же действительность его пытки утверждена показанием истязавших его 3-й части военнослужителей. Все же сии бумаги, кои в отношении порученного мне исполнения служат основанием заключению о прямой сущности происшествия, осмеливаюсь приложить у сего.

Напоследок остается мне донести Вашему Императорскому Величеству, что после умершего мещанина Яковлева остались живущие в Казани беременная жена его Акси́ня Петрова; мать ее, вдова мещанина Мавра Крупенникова, коей в маленьком доме, стоящем не более сорока рублей, обе они живут, и воспитавшая его с самого младенчества мещанка же вдова Федосья Григорьева, все трое в недостаточном состоянии, и получают трудами их пропитание не иначе, как с помощью других. Цех[овой] же Максим Мухин, быв измучен и лишась на немалое время сил упражняться в ремесле его, ныне равномерно найден мною в бедном положении.

Всеавгустейший монарх! Я осмеливаюсь при заключении сего засвидетельствовать п[е]ред Вашим Императорским Величеством, сколь немало способствовал мне возвратившийся для сего нарочно в Казань подпоручик Унгебоур, и сколько доволен оказанными в сем случае ревностию, скромностию городского секретаря Москотильникова, которого я по собрании предварительных слухов, приступая с 12-го числа сего месяца к открытым требованиям, при рассмотрении производств по подлежащей надобности употребить был должен. С сим всеподданнейшим моим донесением повергаю себя п[е]ред освященным монархом моего

престолом. Всемилоостивейший государь! Вашего Императорского Величества верный подданный. Флигель-адъютант барон Альбедиль.

История Государевой свиты: Царствование императора Александра I /

Сост. В. В. Квадри // Столетие Военного министерства. 1802-1902.

Императорская главная квартира. – СПб., 1904. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 399-403.

Список литературы

Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711-1917 гг.: Материалы для биографий. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. – 736 с.

Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. – СПб.: Искусство-СПб., 2007. – 461 с.

References

Murzanov N. A. *Slovar' russkikh senatorov. 1711-1917 gg.: Materialy dlya biografii* [Dictionary of Russian senators. 1711-1917: Materials for biographies]. St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin" publ., 2011, 736 p.

Shepelev L. E. *Apparat vlasti v Rossii: Epokha Aleksandra I i Nikolaya I* [The apparatus of power in Russia: The era of Alexander I and Nicholas I]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB. publ., 2007, 461 p.

Фото предоставлено автором статьи.

Photo courtesy of the author of the article.

Сведения об авторе

Долгов Евгений Борисович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ им. М. Хасанова АН РТ, e-mail: info-ite@mail.ru

About the author

Evgeniy B. Dolgov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Leading Researcher at Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: info-ite@mail.ru

В редакцию статья поступила 14.01.2026, опубликована:

Долгов Е. Б. «Существует только неограниченная власть»: казанский военный губернатор П. П. Пущин // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 2. – С. 33-52.

Submitted on 14.01.2026, published:

Dolgov E. B. "Sushchestvuet tol'ko neogranichennaya vlast'": kazanskij voennyj gubernator P. P. Pushchin ["There is Only Unlimited Power": Kazan military governor P. P. Pushchin]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 2, pp. 33-52.